

Сюй Цзюньюань примчался во дворец, думая, что, должно быть, произошло что-то действительно потрясающее. Неожиданно весь дворец Цыань пришел в смятение только потому, что маленький Хуай ван улыбнулся прекрасному императорскому лекарю, который кормил его мандаринами.

Сюй Цзюньюань приоткрыл веки Сяо Ли, несколько раз посмотрел на него, а затем многозначительно посмотрел на Линь Цинюя.

Вдовствующая императрица продолжала настаивать: «Учитель нации, Ли-эр вырос, и с тех пор, кроме слез, которые он пролил, когда только родился, он не проявлял никаких чувств. После явленной нам улыбки, можно ли говорить о том, что болезнь пропавшей души у него проходит?»

Сюй Цзюньюань пробормотал тихо:

- Не обязательно.

Его «не обязательно» означало, что такое все-таки возможно. Вдовствующая императрица не сдержалась, ее глаза покраснели, дрожащим голосом она задала новый вопрос: «Значит, все еще есть надежда на излечение болезни Ли-эра?»

«Хотя душа принца покинула тело, частицы его души все еще остаются, чтобы гарантировать, что тело продолжит жить. Для оставшихся частичек души нормально плакать и смеяться, но это ничего не гарантирует».

Вдовствующая императрица не сдавалась, возразив: «Но, Ли-эр никогда раньше не улыбался. С чего бы ему вдруг улыбаться сейчас?»

Сюй Цзюньюань спросил Сю Цзяо-момо: «Вы только что сказали, что его высочество улыбнулся императорскому лекарю Линю?»

Сю Цзяо-момо безостановочно кивала, когда отвечала: «Императорский лекарь Линь дал его высочеству кусочек мандарина, и его высочество улыбнулся».

«Все ясно, - Сюй Цзюньюань улыбнулся и дал свое объяснение: - Принц может видеть. Сейчас он увидел, как его кормит несравненный красавец, и был счастлив. Поэтому и улыбнулся».

Сю Цзяо-момо возразила: «Но принц никогда не улыбался, даже когда видел других красивых людей».

«Вероятно, потому, что другие красавицы были недостаточно красивы по сравнению с императорским лекарем Линем».

Линь Цинюй спокойно заметил, слушая все это: «Я уже замужний человек, чужая супруга. То, что учитель нации называет меня красавцем, слишком легкомысленно звучит».

Сюй Цзюньюань поклонился и поправился: «Я был сейчас небрежен и приношу извинения супруге генерала».

Большая надежда приносит большое разочарование. Вдовствующая императрица погладила лицо Сяо Ли и сказала, задыхаясь от горя: «Ли-эр, ты должен улыбнуться своей матери...»

Вдовствующая императрица относилась к нему с такой искренностью, но Сяо Ли даже не смотрел в ее сторону. Молодой человек опустил свои длинные выразительные ресницы, тихо играя со своими пальцами.

Даже Сюй Цзюньюань был тронут этой сценой. Пытаясь утешить безутешную императрицу, он сказал: «Дни сменяют дни, месяцы идут за месяцами, пролетают годы, мир постоянно меняется. В будущем душа принца может вернуться в свое тело. Поскольку принц проявляет симпатию к супруге генерала, пусть супруга генерала почаще приходит во дворец Цыань, чтобы сопровождать принца. Будущее непредсказуемо, и я надеюсь, что вдовствующая императрица сможет успокоить свое сердце. Забота о теле феникса является самой важной сейчас».

Вдовствующая императрица пережила бесчисленные штормы, она много лет оттачивала мастерство в дворцовых интригах, и только сын и племянник могли заставить ее потерять самообладание. Она приняла решение, вытерла слезы с глаз и произнесла: «Я побеспокоила учителя нации, чтобы он нанес этот визит, – затем взглянула на темнеющее небо за окном. – До захода солнца осталось меньше часа. Теперь, когда вы уже здесь, почему бы вам не остаться на ночь во дворце. Сопровождайте его величество и айцзя, мы поднимемся на башню и полюбуемся фонарями».

Сюй Цзюньюань ответил с улыбкой: «Этот министр с радостью повинуется».

Как только наступила ночь, Сяо Цзе, вдовствующая императрица и многие из императорской семьи вместе поднялись на башню. Вдовствующая императрица была во главе процессии, поддерживаемая за руку Сяо Цзе. Видя неестественное выражение лица Сяо Цзе и его неловкие движения, можно было легко ответить, является ли его проявление сыновней почтительности искренним или нет. Позади них стояли несколько старых принцев и принцесс, а также поддерживаемый Сю Цзяо-момо Сяо Ли. Линь Цинюй и Сюй Цзюньюань стояли в самом конце. Среди многих людей здесь, только они двое не были связаны родством с императором.

Башня императорского дворца была самой высокой в столице и была установлена таким образом, что являлась самым подходящим местом для любования фонарями. Обзор с такой выгодной точки открывал панорамный вид на великолепные пейзажи столицы.

Город переливался морем огней, кругом взрывались фейерверки, повсюду тихо горели фонари.

По улицам разъезжали праздничные платформы, и повсюду толпились люди. Все было почти так же, как годом ранее.

Луна и фонари остались прежними, но человека, стоявшего рядом с ним в прошлом году, не было рядом. Сегодня он любовался праздничными фонарями с самой лучшей точки в городе, но кому об этом он мог рассказать?

Голос Сю Цзяо-момо донесся откуда-то издалека: «Мой господин, посмотрите. Этот фонарь в форме кролика...»

В нескольких шагах от Линь Цинюя, высоко над городом стоял молодой человек с частицей неполной души, его глаза отражали те же яркие огни, что и глаза Линь Цинюя.

Вдовствующая императрица была не в настроении долго любоваться фонарями, понаблюдав за ними в течение часа, она сказала: «Айцзя устала и отправляется обратно во дворец, чтобы отдохнуть. Редко бывает, чтобы вся семья собралась вместе. Ваше величество, вам следует остаться и поговорить с вашими благородными дядями».

Сяо Цзе ответил согласием. Линь Цинюй тоже воспользовался возможностью удалиться, вызвавшись проводить вдовствующую императрицу в свои покои.

«Хорошо, пусть императорский лекарь Линь проводит айцзя обратно во дворец Цыань», – сказав это, вдовствующая императрица подала ему руку.

Линь Цинюй замаялся на мгновение, после чего шагнул вперед и попросил вдовствующую императрицу положить руку ему на плечо. Эти двое собирались спуститься вниз, когда внезапно на их пути встал Си Жун. Он приподнял мантию и опустился на колени, громко произнес: «Этот слуга, евнух блюститель этикета, Си Жун, здесь, чтобы просить прощения у вдовствующей императрицы и императорского лекаря Линя».

Его громкая речь привлекла к ним внимание всех старых принцев и принцесс.

Линь Цинюй и вдовствующая императрица посмотрели друг на друга. Вдовствующая императрица резко бросила: «Что за глупости ты делаешь? Намеренно портишь нам удовольствие любования элегантною фонарей Его величеству и старым принцам?»

«Нет, императрица-мать, – нервно заговорил Сяо Цзе. – А-Жун хочет искренне извиниться, и чжэнь просит вас выслушать его».

Естественно, поскольку сейчас выступил сам император, вдовствующая императрица не могла унижить его перед всей императорской семьей. Поэтому она произнесла: «Похоже, император заранее знал о твоём преступлении. Что ж, давайте послушаем».

Си Жун поклонился и начал говорить: «В тот день, когда Юнлян пал, и северо-запад был в смятении, никто в суде, кроме генерала Гу, не подходил для командования армией Чжэнси. Однако генерал Гу отказывался брать командование. Именно этот слуга дал совет императору и премьер-министру Цюю намеренно разозлить генерала У, тем самым разжечь боевой дух генерала Гу. Заставить его вернуть себе славу, показать силу, которая попирала бы ногами Западное Ся, и тем самым спасти народ Юнляна от катастрофы. Ради северо-запада и Даюй у меня не было другого выбора, кроме как сделать такой неразумный шаг. Этот слуга готов принять свое наказание».

Прежде чем вдовствующая императрица смогла ответить, Сяо Цзе снова вмешался: «Мать-императрица, хотя А-Жун сделал что-то не так, он сделал это с учетом ситуации на северо-западе. Западное Ся угрожало устроить резню в городе, если мы не пошлем к ним генерала Гу. А-Жун действительно сделал это только потому, что другого выхода не было...»

Один старый принц тут же заметил: «Я тоже кое-что слышал о том, что произошло в тот день. Генерал Гу был командующим, лично назначенным покойным императором. Несмотря на беспорядки на северо-западе, он стоял в стороне, не беспокоясь и не вмешиваясь. По моему мнению, его величеству следовало издать указ, приказывающий ему принять командование. Почему так много заботы о его желаниях? Император уже и так пощадил лицо генерала Гу».

Другой принц согласился с ним: «Третий брат прав. В конце концов, это все ради Даюй. Даже если старший евнух виновен, его заслуги искупают ошибки».

Си Жун посмотрел на Линь Цинюя краем глаза. Красивый императорский лекарь тоже спокойно смотрел на него, выражение лица казалось спокойным, но Си Жун знал, что Линь Цинюй... сейчас хотел его жизни.

Грудь вдовствующей императрицы слегка поднялась и опустилась. Она изо всех сил старалась скрыть гнев, заметив с насмешкой: «Поскольку за тебя вступились сразу два принца, у айцзя нет другого выбора, кроме как поступить с тобой снисходительно... Утащите его и дайте тридцать ударов плетью».

Глаза Сяо Цзе расширились, когда он испуганно переспросил: «Т-тридцать?»

«Что? – холодно спросила вдовствующая императрица. – Император считает, что это слишком много?»

Си Жун тихо окликнул его: «Ваше величество». И уже в следующий миг Сяо Цзе плотно сжал губы, ничего больше не произнес. Но любой мог видеть, что он почти до смерти расстроен.

Линь Цинюй вдруг задумался, а что если бы Си Жун умер на глазах императора, какое забавное выражение лица было бы тогда у Сяо Цзе?

Кажется, ему захотелось это увидеть самому.

Вернувшись во дворец Цыань, вдовствующая императрица попросила Сю Цзяо-момо отвести Сяо Ли отдохнуть обратно в его комнату, а затем отпустила всех, кроме Линь Цинюя. Начав сердито высказываться вслух: «Это был хороший ход. Злодей заранее жалуется на пострадавшего*. Айцзя недооценила этого евнуха. Никогда не ожидала, что император до такой степени защищает его!»

[Примечание: 罪人 / èrén xiān gào zhuàng. Виновный жалуется первым.]

Линь Цинюй спокойно заметил: «К сожалению, еще не пришло время устранить Си Жуна».

«Почему?»

Линь Цинюй объяснил: «До того, как генерал вернет себе северо-запад, в столице не должно быть никаких изменений. Прежде чем сделать ход, мы должны подождать, пока генерал вернет себе Юнлян и стабилизирует ситуацию на северо-западе».

Поскольку он остался в столице, то должен убедиться, что у Западного Ся не было ни малейшего шанса нарушить моральный дух армии, чтобы солдаты могли спокойно сражаться на поле боя.

«Айцзя не понимает, – вдовствующая императрица холодно продолжила: – Конечно, Си Жун довольно умный евнух, но как его убийство может вызвать изменения в столице? Возможно ли, что ради этого евнуха император рискнет своим положением на троне?»

Линь Цинюй сказал: «Если я скажу, что Си Жун для императора так же важен, как маленький принц для вас, вы поймете, о чем я говорю?»

Вдовствующая императрица была ошеломлена. Конечно, она понимала. Сяо Ли – это ее жизнь. Чтобы воссоединиться с Сяо Ли, она даже предала своего императора и мужа. Если бы кто-нибудь убил Сяо Ли, вместе с ним она бы заживо похоронила убийцу и всю его семью. А после... она отправилась бы вниз, в загробное царство, чтобы сопровождать ее Ли-эра и там.

«Но как это возможно? Даже если у них была тесная дружба в детстве, это не должно привести к чему-то подобному».

Линь Цинюй рассказал вдовствующей императрице о жизненном пути Си Жуна. Выражение лица вдовствующей императрицы стало еще более суровым, и она решительно сказала: «Если он действительно сводный брат императора, тогда тем больше причин, по которым мы не можем позволить ему остаться».

«Сейчас война на северо-западе должна быть на первом месте во всем, – Линь Цинюй снова повторил сказанное ранее: – Мы поговорим об остальном, как только Юнлян будет возвращен Даюй».

Вдовствующая императрица спросила: «Ты не боишься, что он первым выступит против нас?»»

Линь Цинюй рассмеялся: «Нет, он не посмеет».

Если с ним что-то случится в столице, то 300 000 армия под командованием Гу Фучжоу, возможно, не победит Западное Ся. Си Жун тоже выжидал. Как только Гу Фучжоу усмирит северо-запад, Си Жун будет искать возможность, скрывая силу и выжидая подходящего момента, вернуть себе военную мощь. С осторожностью и благоразумием Си Жуна он трижды обдумает каждый свой шаг. Он не тронет Линь Цинюя, пока не будет абсолютно уверен.

Линь Цинюй оставался во дворце до поздней ночи. К тому времени, когда он покинул дворец, фонари погасли, а толпы людей разошлись. В небе осталась только яркая луна. Та же самая яркая луна, что сияла за тысячу миль на северо-западе.

Северо-запад, резиденция губернатора Гуйчжоу.

Гу Фучжоу протянул руку и попросил Ху Цзи проверить его пульс. Увидев серьезность на лице Ху Цзи, он не удержался от вздоха: «Неужели нет лекарства от моей болезни?»»

Ху Цзи смущенно ответил: «Когда люди достигают среднего возраста, они часто страдают от выпадения волос, особенно мужчины. Выпадение волос у генерала не серьезное. Я теряю больше, чем вы. Вы действительно слишком много беспокоитесь по этому поводу».

«Нет, я чувствую, что потерял половину волос на голове, – Гу Фучжоу сказал серьезным голосом: – Императорский лекарь Ху, вы должны найти способ вылечить меня. Если мои волосы продолжают выпадать с такой скоростью, я вернусь к Цинюю с лысой головой».

И Ху Цзи пришлось сказать: «Вам следует больше отдыхать и меньше думать о таком. Возможно, что со временем вы заметите некоторое улучшение в своем состоянии».

Гу Фучжоу громко рассмеялся, горько заметив: «Как такое возможно в нынешней ситуации?»»

Они продолжали говорить, когда снаружи послышались шаги. На пороге стояли двое посетителей, один был командиром передового отряда армии Чжэнси У Ююанем, а другим был Шэнь Хуайши, бывший теневой страж отряда Тяньцзи.

У Ююань и Шэнь Хуайши оба были искусными воинами, сведущими в боевых искусствах. Один был хорош в лобовой атаке, а другой хорошо разбирался в способах тайного убийства. Когда У Ююань узнал, что Шэнь Хуайши раньше был теневым стражем из отряда Тяньцзи, он начал в свободное время часто приставать к Шэнь Хуайши с просьбой поучиться у того тайным боевым искусствам, вызывая его на бой. За месяц он ни разу не выиграл у него ни одного поединка.

«Генерал, мы вернулись».

Услышав голос У Ююаня, Гу Фучжоу даже не потрудился поднять голову. Он спросил: «Дай угадаю, ты проиграл десять раз подряд?»

У Ююань горячо возразил, не собираясь сдаваться: «Насколько старший брат Шэнь старше меня? Подождите, пока я вырасту еще на несколько лет. Я обязательно побью его».

Шэнь Хуайши беспомощно улыбнулся и сказал в свою очередь: «Генерал, я получил для вас письмо из дома».

Гу Фучжоу сразу вскочил с места: «Отдай его мне». На глазах у всех троих он открыл письмо и начал внимательно читать.

Ху Цзи осторожно сделал предположение: «Судя по выражению лица генерала, императорский лекарь Линь чувствует себя хорошо в столице».

«В Императорском дворце все остается по-прежнему. Он пытается решить проблему нехватки продовольствия и оплаты жалования... Это все государственные дела, – Гу Фучжоу перевернул страницу, и уголки его губ приподнялись: – О, малыши Гу очень хорошо растут. Они уже дали жизнь второму выводку».

У Ююань с любопытством спросил: «Малыши Гу? Кто это?»

Гу Фучжоу торжественно ответил: «Это вторая молодая леди и третий молодой господин резиденции генерала».

У Ююань был совсем сбит с толку таким ответом. Поэтому быстро переспросил: «Когда это у генерала и императорского лекаря Линя появилось потомство?»

Ху Цзи улыбнулся и ответил вместо Гу Фучжоу: «Думаю, генерал говорит о тех, кого лекарь Линь выращивает. Он выращивает Гу».

У Ююань громко рассмеялся, и Шэнь Хуайши тоже не удержался от смеха. У Ююань спросил: «А что насчет старшего сына резиденции генерала?»

«Не старший сын, а старшая дочь, – поправил его Гу Фучжоу, ответив: – Ее затоптал до смерти наш слуга».

Все собравшиеся растерянно переглянулись. Не зная, какое выражение придать своим лицам, они осторожно произнесли: «Генерал, мы сожалеем о вашей потере».

«Кстати говоря, сегодня Праздник фонарей, – напомнил им Ху Цзи. – За весь год только во время Праздника фонарей в столице отменяется комендантский час. Это также самый напряженный день в году у лекарей».

Услышав слова Ху Цзи, в памяти Гу Фучжоу всплыли воспоминания о той праздничной ночи в столице: город, полный фонарей, река Цзиньшуй, яркая, как Млечный путь, великолепный красавец, достаточно прекрасный, чтобы покорять города и государства и... фонарь в форме кролика.

Гу Фучжоу улыбнулся про себя. Он похлопал У Ююаня по плечу и сказал: «Братя, вы проделали сегодня хорошую работу. Закончите свои тренировки пораньше и идите спать».

Потребовалось больше полугода, но Гу Фучжоу привел солдат к захвату нескольких городов, прилегающих к Юнляну.

Осенью второго года правления Чуси армия Даюй была готова к основному действию, нацелившись на последний город – Юнлян.

Автору есть что сказать:

Каким бы красивым ни был Санчжуан*, вы все равно должны дорожить Эрчжуаном*, которому осталось жить недолго.

[Примечание: Дачжуан = Цзян-гунцзы в теле Лу Ваньчэна; Сан Чжуан означает «третий чжуан», поэтому автор имеет в виду третью реинкарнацию Цзян-гунцзы; Эрчжуан означает «второй чжуан», что означает Цзян-гунцзы в теле

<http://bllate.org/book/15122/1336711>